

От автора: краткая история повести

8 декабря 1939-го года в 4 часа утра в Ново-Екатерининской больнице, что на углу Страстного бульвара и Петровки, умер человек. И сам человек, и обстоятельства его смерти были настолько необычны, что их расследованием занялась прокуратура. Дело было поручено следователю Шейнину, но следствие было вскоре прекращено, а Шейнин впоследствии арестован, так что обстоятельства болезни и смерти особого пациента вряд ли когда-нибудь прояснятся, хотя это был один из самых драматических моментов в истории советской медицины, да и не только медицины. Ибо человек, скончавшийся 8-го декабря в Ново-Екатерининской больнице, умер от страшной инфекционной болезни — лёгочной чумы, и только высочайший профессионализм и героизм врачей, в особенности доктора Симона Горелика, погибшего в схватке с чумой, и решительные меры принятые НКВД, предотвратили превращение вспышки чумы в эпидемию, а возможно и в пандемию.

В Москву 1939-го года чума приехала с профессором Берлиным, заместителем директора и заведующим лабораторией противочумной вакцины в Саратовском институте «Микроб». Это было лабораторное заражение. Берлин был специалистом высочайшего уровня, и непонятно, как такое могло произойти. Для повести и сценария, которые я сочинила об этих событиях, мне пришлось придумывать свою версию.

Уже больной, но еще не подозревая об этом, Берлин приехал в Москву по вызову на коллегия Наркомздрава. Он остановился в гостинице «Националь», сделал доклад на коллегии Наркомздрава, общался с коллегами, с персоналом гостиницы, с врачами. Так его трагическая судьба оказалась переплетенной с судьбами десятков знакомых и незнакомых ему людей.

Чтобы предотвратить эпидемию, необходимо было выявить и изолировать в карантин всех, кто контактировал с доктором Берлиным в последние сутки его жизни. Чтобы избежать паники в городе и стране, слово «чума» не произносили, и изоляции в карантин, которыми занимался НКВД, были замаскированы под «банальные» аресты, которые в 1939-м году никого не удивляли...

Я узнала эту историю от папы, патологоанатома, свидетеля и активного участника тех зловещих событий. По заданию Наркомздрава папа вскрывал умершего от чумы доктора Горелика: необходимо было срочно подтвердить или опровергнуть страшный диагноз. Диагноз, к сожалению, подтвердился. Папа получил правительственную награду «За выполнение важного правительственного задания».

Рассказ моего отца об этих зловещих событиях я прочитала впервые в папиной «подпольной» рукописи в семидесятые годы и впоследствии опубликовала в моей книге «То ли было, то ли небыло», в главе «Встреча с императрицей смерти» («Пушкинский фонд» 1998 г.; «Феникс», 2004 г.). Эта история потрясла меня не только фантазмагорическим фактическим материалом, но и исключительной кинематографичностью — возможностью пройтись по Москве 1939-го года на излёте большого террора.

Описанные моим отцом события чумы 1939-го года — документальный стержень представленной ниже повести. На этот стержень нанизана выдуманная мной, но вполне вероятная история. В центре нашего внимания оказываются пять семей, в которых после мнимого ареста одного из членов, так или иначе контактировавшего с заболевшим доктором Берлиным, за восемь дней карантина разыгрываются драматические события, резко меняющие их последующую жизнь: судьбы людей стремительно ломаются после ареста их близких.

Я много лет жила со своими героями, сочиняла им внешность и судьбы. Но когда начались *Перестройка* и *Гласность*, я стала думать о сценарии всерьёз. Расспросила дополнительно папу, встретила дочь доктора Берлина Генриэттой Абрамовной, прочитала по её рекомендации книгу А. Шарова о чумологах, побывала в Ново-Екатерининской больнице, где ещё работали люди, помнившие эту историю. На этой основе написала несколько вариантов заявки на сценарий и сам сценарий, у которого было два условных названия: «Это только чума» и «Пустьяки, дорогая». Сценарного опыта у меня не было, и вместо сценария получилась повесть. Сегодня, имея за плечами шесть опубликованных книг и публикации в журналах «Юность», «Знамя», «Иностранная литература», «Дружба народов», я понимаю, что повесть была законченным литературным произведением, и её надо было тогда же отдать в печать. Но в те годы у меня гвоздём в мозгу сидел сценарий. Я не хотела доверять моим героям, сотканным в моём воображении из плоти и крови, плоскому бумажному листу: они должны были ходить, говорить, страдать, любить и жить на экране такими, как я их видела. Я поделилась своей проблемой с моим другом Юлием Даниэлем, и по его рекомендации предложила сотрудничество по переделке моей повести в сценарий его приятельнице Людмиле Улицкой, посещавшей сценарный семинар. Это было в 1987 году. Не будучи знакома с нравами литературных джунглей, я допустила серьёзный промах, ничем не застраховав своё авторское право.

Мы с Улицкой начали работать вместе. После своей основной работы я неслась к ней на Аэропортовскую, мы обсуждали сцену за сценой, что-то предлагала я, что-то Улицкая, это был нормальный рабочий контакт. Работать было интересно, и мы довольно быстро двигались вперёд, поскольку большинство сцен было у меня разработано. Так возник эпизодный план из восьмидесяти восьми эпизодов. Мы работали вместе несколько месяцев, идя по эпизодному плану, в чём-то соглашались, против чего-то я протестовала и надеялась согласовать потом, когда закончим основную работу. Мы были близки к финалу, когда меня неожидан-

но отпустили, впервые в жизни, в научную командировку в Венгрию, и я на два месяца прервала совместную работу. Когда я вернулась, Улицкая сообщила мне, что сценарий закончен и уже у режиссёра. Я поразились: как так, я же не видела окончательного варианта. Она сказала — это не важно, потому что за время моего отсутствия она внесла в наш общий сценарий много изменений и моего имени нет в авторах. Я недавно проанализировала опубликованный ею сценарий: она дописала девять эпизодов (из восьмидесяти восьми) и внесла несколько несущественных, а иногда и вредящих смыслу изменений.

Это было первое в моей жизни предательство человека, которого я числила в друзьях, и первый в жизни сердечный приступ.

С помощью подруги, знакомой с миром кино, я написала письма Элему Климову, бывшему в те годы Первым секретарём Союза кинематографистов, и режиссёру Андрею Разумовскому, в чьих руках был сценарий. Не помню, от кого я получила сообщение, что работы над сценарием не будет (до недавнего времени я думала, что это была реакция на мои письма, но возможно, сценарий просто не понравился режиссёру). Мне было достаточно того, что сценарий не будет на съёмочной площадке, и я считала инцидент исчерпанным. С Улицкой я прекратила всякие отношения и не здоровалась.

О выходе в свет в 2020-м году сценария «Чума, или ООИ в городе», опубликованного Улицкой под своей фамилией в издательстве Елены Шубиной, мне сообщил по телефону приятель, которому я когда-то рассказывала придуманный мной сюжет. Он сказал удивлённо, что ему кажется, что описанные в сценарии Улицкой события он когда-то слышал от меня. Эта публикация стала для меня полной неожиданностью: к моему глубокому изумлению, Улицкая всё-таки опубликовала сценарий, снабдив его неверной датой и выдуманной историей создания.

Сегодня я предлагаю вашему вниманию мою повесть «Это только чума», на основе которой был нами совместно написан опубликованный Улицкой сценарий.

Это только чума

Саратов. В «чумном» институте

Небольшой провинциальный город спит, утопая в снегу. Из окна проходящего поезда и не разберёшь: привиделся ли, приснился. Лишь в стороне, на отшибе, среди редкого леса небольшое здание утешает глаз чёткими контурами, ярким электрическим светом. Это «чумной институт». Его маленькие обитатели не знают смены дня и ночи. Микроскопические, невидимые глазу, они властно подчинили своему ритму людей в странных одеяниях и защитных масках. Работа здесь не затихает ни днём, ни ночью: учёные напряжённо ищут защиту от страшных инфекционных болезней. Тридцать девятый год вот-вот превратится в сороковой, мир вступил в великую войну, и кто знает, не будет ли в ней применено и бактериологическое оружие...

Резкий междугородний звонок взрывает тишину институтского коридора. Задремавшая над вязаньем вахтёрша тётя Дуся вздрагивает, снимает трубку, слушает и, тяжело вздохнув, ковтыляет в дальний конец коридора, к двери с табличкой «лаборатория противочумной вакцины».

Профессор Зархин выходит не сразу. Снять, продезинфицировать противочумной костюм — о, это целый ритуал, который он привычными движениями шамана исполняет несколько раз в день.

— Зархин. Слушаю вас. Да, продвигается успешно, быстрее, чем можно было ожидать. Доклад? Нет, это рано, ещё пару месяцев надо поработать, многое проверить. Как назначен?! Кто назначил, почему не согласовали со мной?! Ах, вот оно что. Что делать, приеду.

Зархин стоит у телефона, устало потирая виски. Лицо его от постоянного ношения маски покрылось серией мелких морщинок и кажется пергаментным, постаревшим, хотя профессору нет и сорока лет.

— Попей чайку, я вскипачу, устал поди, — сочувственно смотрит на него баба Дуся.

— Не могу, баба Дуся, надо спешить, — встряхивается Зархин и направляется обратно в лабораторию.

Не спешите, профессор Зархин! Вам нельзя спешить! Ваша работа сродни работе сапёра: как и ему, вам отпущено ошибиться только один раз...

Зархин уже много лет работает над созданием противочумной вакцины и наконец близок к цели. У него в руках, в небольшой пробирке, поразительный препарат. Много лет назад на Мадагаскаре погибла от чумы маленькая девочка. Культуру микробов, полученную у нее, назвали ее инициалами: ЕВ. Культуру, как полагается, многократно пересевали. И произошло неожиданное: морские свинки, которых заразили бациллами ЕВ, не заболели. Бациллы были живы, но потеряли активность (вирулентность). Однако самое интересное было в другом: морские свинки, зараженные штаммом ЕВ, не только не заболели, но потеряли восприимчивость к обычной вирулентной чуме. Штамм ЕВ стал вакциной.

И тогда группа саратовских ученых решила испытать новую вакцину на себе. Их было трое, руководство и цвет института. Москва долго не разрешала опасный эксперимент, но в конце концов согласие было получено. Три экспериментатора спустились в подвал и изолировали себя от мира. Врач Ягцук ввел им по 250 миллионов бактерий ЕВ. Опыт начался. В институте и в Москве напряженно ждали его результатов. Первый день прошел благополучно. На второй день утром у одного из троих поднялась температура, состояние ухудшалось с каждым часом. Неужели?! Но нет, это оказался спровоцированный вакциной приступ другой болезни, туляремии, которой испытуемый болел. На третий день температура стала падать, а с ней и огромное напряжение, в котором жили все посвященные в этот беспрецедентный эксперимент. Опыт удался! После первых смельчаков вакцину ЕВ ввели себе еще пять, а потом восемь добровольцев. Все прошло без осложнений, и результат эксперимента следовало признать положи-

тельным, но оставалось несколько важных вопросов, которые ещё предстояло решить. Возник ли иммунитет? Если да, насколько он силён и длителен. Над этим сейчас активно работали, и боже мой, как не ко времени был этот внезапный вызов в Москву для доклада на коллегии Наркомздрава.

Вернувшись в лабораторию, Зархин продолжает обследовать заражённых чужой лабораторных животных. Экспериментальная группа, получившая вакцину, жива-здорова, *контроль*, как ему и положено, поддыхает. Всё как будто в порядке. Откуда же это внутреннее беспокойство, отчётливое ощущение чего-то необычного, неправильного и опасного? Зархин нервно оглядывается. Да нет, всё как обычно. Устал, нервы шалят. Он опять погружается в работу.

Но Зархин не ошибался: необычное было. Он слишком ясно видел подопытных животных. Раздражённый разговором с Москвой, он забыл надеть маску на глаза... Он поймёт это, когда станет раздеваться и увидит маску в тазу с дезинфицирующим раствором. На секунду в глазах его мелькнёт ужас, но он тотчас отгонит от себя эту страшную, чудовищную мысль: нет, нет, это было бы слишком нелепо. И потом, у него же иммунитет! И погрузится в хлопоты — препараты в холодильник, лабораторный журнал в стол под ключ.

Тёмными узкими улочками Зархин возвращался домой. Бумаги, чемодан. Теперь предупредить Анечку — и к поезду. Они с Анечкой и не виделись почти эти последние месяцы из-за его сумасшедшей работы. Из предосторожности, перед тем знаменитым экспериментом, он отправил их с Кнопкой пожить какое-то время в пустовавшей квартире Аниной матери: никто ведь не мог знать, что он потом принесёт с собой домой, даже если выживет.

Кстати, какой сейчас месяц? Декабрь? Скоро Новый Год! У Анечки каникулы! Вдруг она сможет поехать с ним?!

С чемоданом в руке Зархин застыл на минуту перед Анечкиной дверью. Оттуда слышалась тихая музыка, Маленькая ночная серенада. Кнопка спит, Анечка играет. Зархин тихо повернул ключ в замке.

Сидевшая за роялем миловидная женщина чуть за тридцать повернулась было радостно на звук открывшейся двери, но радость быстро сменилось тревогой: что случилось? Ночь, почему чемодан? Вынырнувшее из-за её спины лохмотное существо в длинной пижамке бросилось Зархину на шею.

— Вызвали, черти, срочно на коллегию Наркомздрава. С докладом о том эксперименте. Еду прямо сейчас, — объяснил Зархин, щекоча носом Кнопку. — Анечка, у тебя ж каникулы! Договорись с тётей Олей, пусть посидит с Кнопкой три дня. Побудем три дня вместе, поживём как люди! Мне заказан номер в гостинице «Националь». Я еду как важная птица. Тебе ж не каждый же день выпадает такая козырная карта — пожить с важной птицей в гостинице «Националь»!

— Да я б поехала с тобой, даже если бы ты был простым воробьём и тебе заказали номер в гостинице «Зоопарк»! Ночь сейчас, какая тётя Оля! Я с ней завтра с утра поговорю. Господи, не верю, неужели, удастся!

Зархин достаёт бумажник, протягивает деньги:

— Возьми на дорогу.

Анечка смеётся:

— Оставь себе на дорогу! Меня мои вундеркинды кормят не хуже, чем тебя твои блохи!

...В купе Зархин счастливо улыбается, глядя в окно невидящими глазами. Его познабливает, он завернулся в казённое одеяло, но какие это всё пустяки: они с Анечкой проведут три дня вместе в Москве, и к чёрту идиотские отчёты! Впрочем, кое-что надо обдумать. И Зархин достаёт бумаги.

Купе между тем живёт обычной дорожной жизнью. Простоватый малый возбуждённо хвастается красивой цветущей особе: он едет в Академию наук, его пригласил сам академик Лысенко! Да-да, сам академик Лысенко! В глухой провинции, где он живёт, над его идеями смеются — то ли совсем отсталые, то ли враги, а вот академик заинтересовался. Особа меж тем готовит бутерброды с домашним салом, поглядывая вверх на крепко сбитого мужчину, который всё косит глазом с верхней полки в глубокое декольте её халатика...

Поезд мчит к столице. А в ничего не подозревающем, скованном морозом, мирно спящем городе наступает обычное буднее утро.

...От вокзала до гостиницы «Националь» Зархин взял такси: мороз, волнение и дорога утомили его. Он ехал пустынными, еще не ожившими улицами. За узорными окнами угадывалась утренняя суета. Плакал грудной ребёнок, не хотел просыпаться для суровой ясельной жизни. Молодая женщина ловкими привычными движениями раскручивала перед зеркалом сделанные из газеты папильотки. В коммунальных квартирах назревали обычные утренние скандалы в очередях в уборную. Город встречал новый день...

Продолжение повести вы можете прочитать на сайте журнала «Этажи». Для этого наведите камеру своего смартфона на QR-код слева и откройте появившуюся в телефоне ссылку.